

Тоба Фэн первым перебрал и, пьяный, извинился и ушёл прилечь. Однако братья Чжу Ди и Чжу Цюань оказались весьма крепкими выпивохами и произносили тосты почти до полуночи. Сюй Вэнь забрала двух сыновей и пошла готовить хлопушки к встрече Нового года. Чжу Цюань последовал за ней.

За столом остались сидеть лишь пьянеющие Юньци и Чжу Ди с одурманенными от алкоголя головами.

— Младший шурин... братец... э-э-э... за твоё здоровье! — заплетающимся языком проговорил Чжу Ди, чокнувшись о чарку Юньци.

Юньци напился до лёгкого головокружения, и перед ним появились два Чжу Ди. С трудом похлопав того по плечу, он сказал:

— Зять! Ладно, довольно слов! После того как Юньци вернется... он обязательно... ик...

— Обязательно заступится за тебя! Все эти Хуан Цзычэны! Фан Сяожуи! Всех в сторону! — Глаза Юньци уже закрутились в спираль, и он несвязно продолжал: — Если кто... посмеет обвинить тебя в мятеже! Я, блять... выхвачу нож! Зарублю всю его семью! Вырежу все десять поколений!

— Ха-ха-ха!..

— Ха-ха-ха-ха!..

Чжу Ди и Юньци осушили чарки и вместе залились громким смехом.

Чжу Ди поперхнулся вином, несколько раз кашлянул и захмелевшим голосом произнес:

— Братец... а если я и вправду подниму мятеж?

Юньци остолбенел и промолвил:

— Зять...

Чжу Ди помрачнел и, взяв Юньци за руку, сказал:

— Зови меня братом.

— Что хорошего в этом ничтожестве Юньвэне? — продолжил Чжу Ди. — Разве он тебе дороже... чем твоя родная сестра?

Юньци мгновенно протрезвел на семь-восемь десятых, и сердце его бешено заколотилось — то ли от крепости вина, то ли от того, что он воочию убедился в своих прежних опасениях. По голове будто ударили дубинкой, в ушах зазвенело, разум полностью опустел, и в сознании крутились только три слова.

«Что же делать?»

Чжу Ди, с заплетающимся языком и покрасневшими глазами, промолвил:

— Когда в будущем брат займёт то место, шесть министерств, канцлер, главнокомандующий — выбирай что хочешь... Брат тебе это обещает!

Юньци заставил себя успокоиться и посмотрел на Чжу Ди затуманенным взглядом. Из последних сил изображая пьяного, он замахал руками и пролепетал:

— Не... нельзя. Зять...

Чжу Ди рассердился:

— Зови меня братом!

Юньци смутно пробормотал:

— Зять, лучше убей меня, убей... чтобы скрыть улики, чтобы... все не испортить!

Чжу Ди прищурился и, глядя на Юньци, одной рукой надавил на фарфоровое блюдо на столе. Раздался лёгкий хруст, пошла трещина, и оно расколось пополам.

Чжу Ди провёл пальцем по острому краю разбитого фарфора и тихо проговорил:

— Как я могу тебя убить? Нет... не выйдет.

Юньци смотрел на Чжу Ди расфокусированным взглядом. Тот сглотнул и покачал головой.

Юньци выдохнул, и разнесся обжигающе горячий винный запах. Он сказал:

— Не выйдет? И что тогда?!

Чжу Ди отпустил руку Юньци, державшую чарку, провел ладонью по его руке вверх и погладил его по щеке.

Он холодно произнес:

— Раз уж хочешь звать меня только зятем, в будущем... будешь шурином императора, всего лишь шурином императора.

Порыв совершить убийство миновал в мгновение ока. Юньци закрыл глаза, с глухим стуком опустил лбом на стол и пьяный уснул.

Сознание Юньци все более затуманивалось, в мыслях мелькали бесчисленные сцены, сменяя друг друга.

Когда ему было двенадцать лет, группа телохранителей с шумом набросилась на десятилетнего Чжу Юньвэня, прижав его к углу. Юньвэнь громко заплакал:

— Юнь-гэ-эр, спаси меня!

Маленький Юньци, вырвавшись из рук Тоба Фэна, изо всех сил закричал:

— Не обижайте Юньвэня!

В шестнадцать лет, на берегу озера Сюанью, где пышно цвели персиковые цветы, Тоба Фэн и Юньци лежали рядом. Внезапно Тоба Фэн сел, перевернулся и набросился на Юньци.

— Лао Ба, что ты делаешь! Перестань...

— Ши-гэ так по тебе соскучился! — рассмеялся Тоба Фэн. Не отпуская Юньци ни на секунду, он принялся яростно его расцеловывать.

В восемь лет, в траурном зале плач и ругань слились воедино. Перед иссиня-чёрным гробом Сюй Да Чжу Ди вытянул шею и прокричал:

— Разве можно бить женщину?! Как вы можете?! Я вас блять!!

Чжу Ди из последних сил прикрывал собой сестру и брата Сюй Вэнь и Юньци. Подставляясь под удары и пинки родственников Сюй Да, он орал:

— Руки прочь! Бессовестные вы твари! Всё же это дети генерала Сюя!! Блять!!

Чжу Ди, обнимая маленького Юньци и Сюй Вэнь, продолжал отступать к выходу и ругаться:

— Сборище черепаших яиц! Если кишка не тонка, сразитесь с этим князем...

Сказав это, он велел Сюй Вэнь присмотреть за маленьким Юньци. Закатав рукава, он бросился драться с братьями Сюй Хуэйцзу и Сюй Цзэншоу.

Сюй Хуэйцзу взмахнул скамейкой и безжалостно зарядил ею Чжу Ди, громко бранясь:

— Все Чжу — скоты! Прибейте эту тварь! Наш отец умер именно из-за того гуся на пару, которого прислал этот пёс-император...

Сюй Вэнь вскрикнула:

— Хватит драться! Князь! Пойдёмте!

Чжу Ди, словно бездомного пса, жестоко избили братья семьи Сюй и вышвырнули за ворота усадьбы.

Сюй Вэнь громко рыдала. Чжу Ди, с покрасневшими глазами, развернулся к ней и уже собирался встать на колени.

— Не глупи, какое это имеет отношение к тебе... — всхлипывая, Сюй Вэнь поддержала Чжу Ди.

Вся голова мужчины была залита кровью. Он тяжело вздохнул, и трое тихо присели у стены за пределами усадьбы семьи Сюй.

Маленький Юньци вдруг разрыдался. Чжу Ди суетливо вытер кровь с головы и отвернулся, подумав, что своим видом напугал малыша.

Маленький Юньци, рыдая, потянулся рукой к рукаву Чжу Ди.

Сюй Вэнь сглотнула слёзы, облегчённо выдохнула и сказала:

— Не думай об этом. Смотри, как ты напугал Юньци.

Только тогда Чжу Ди кивнул. Он повернулся, взял маленького Юньци на руки и сказал:

— Юньци, когда вернёшься в Нанкин, ни в коем случае не болтай лишнего, понял?

Гусь на пару.

Юньци резко поднялся с кровати, тяжело и прерывисто дыша. Он был весь в поту, словно его только что вытащили из воды. Тоба Фэн, сидя на краю постели, с беспокойством спросил:

— Что случилось?

Юньци сбросил накинутый на него халат и взглянул на него — это было красное княжеское платье с изображением Таоте, принадлежащее Чжу Ди. Видимо, после того как он напился, Чжу Ди отнёс его во внутренние покои и уложил на кушетку.

— Который сейчас час? — у Юньци сильно болела голова.

Тоба Фэн уже протрезвел и с улыбкой ответил:

— Час цзы*. Ванфэй и князь вместе запускают хлопушки. Шигэ вынести тебя на руках?

* 23:00-01:00.

Юньци вздохнул и встретился взглядом с Тоба Фэном. Они поняли друг друга без слов, тихо поцеловались, а затем, взявшись за руки, вышли в передний двор.

Чжу Цюань, Сюй Вэнь и Чжу Ди стояли вместе. Чжу Ди с улыбкой поманил их:

— Быстрее, идите сюда! Сейчас будем поджигать хлопушки!

Словно ничего и не происходило, Чжу Гаочи, держа в руке благовонную сандаловую палочку, спросил:

— Младшему шурин зажжёт, или этот племянник?

Сюй Вэнь улыбнулась:

— Зажигай ты. Юньци неуклюжий, как бы ещё не подорвался.

Юньци, видя, как дружна эта семья, невольно тоже улыбнулся. Руки Чжу Цюаня по-прежнему были связаны, Чжу Ди протянул ладони к ушам Чжу Цюаня, вставив в них указательные пальцы.

Сюй Вэнь пальцами заткнула уши младшему сыну Чжу Гаоцзюю, и Юньци рассмеялся:

— Неужели так громко, что все боятся, словно... — Не успел он договорить, как почувствовал,

что холодные длинные пальцы Тоба Фэна коснулись его и заткнули ему уши.

Тоба Фэн положил локоть на плечо Юньци, упёрся подбородком в его шею и весело крикнул:

— Поджигай!

Чжу Ди скомандовал:

— Сын, поджигай!

Чжу Гаочи поджёг фитиль, управляющий княжеской резиденцией тут же поднял длинную гирлянду хлопушек, и грохот разорвал небо и всколыхнул землю. Сюй Вэнь несколько раз вскрикнула, и все громко смеялись. Северный ветер поднял клочья красной бумаги и разогнал их во все стороны, застилая всё небо и землю.

Как только в княжеской резиденции прогремели хлопушки, возвещая о встрече Новый год, им тут же отозвались тысячи домов в Пекине. Грохот сотрясал небо и землю. Старый год ушёл, наступил новый, и радостные крики бесчисленных детей слились в единый поток, паря над Пекином.

В то же время в Нанкине Чжу Юньвэнь официально взошёл на престол, облачился в драконье одеяние и высочайше объявил всей стране о смене девиза правления на «Цзяньвэнь*».

* Можно перевести как «Возведение высокой культуры» (□□).

Первый год правления Цзяньвэнь наступил именно так, как все и ожидали, и в то же время вопреки всем ожиданиям.

Он был похож на огромный водоворот, втянувший в себя бесчисленное множество людских судеб. Нити этих судеб сложным образом переплелись, и даже после победы в «Войне ради преодоления трудностей»*, когда Юньци вспоминал ту ночь, то не мог тайно не восхищаться хитростью небесной воли и изменчивостью человеческой жизни.

* Гражданская война в империи Мин в 1402 году.

Время пролетело незаметно. В шестнадцатый день первого месяца, когда отпуск Юньци для встречи с родными закончился, он отправлялся обратно в Нанкин.

Сюй Вэнь, конечно же, велела слугам загрузить целую повозку подарков для всех сослуживцев из Цзиньвэй в Нанкине. Вся княжеская резиденция с раннего утра хлопотала без устали. Шесть запряжённых мулами больших телег, на которые взгромоздили несколько десятков огромных сундуков, остановились у главных ворот усадьбы.

Юньци сказал:

— Старшая сестра, хватит, не нужно больше загружать повозку.

Сюй Вэнь сделала вид, что не слышит, и снова распорядилась:

— Осторожнее, привяжите покрепче, в тех сундуках вяленая еда...

Юньци нахмурился:

— Ладно, зачем мне везти столько вещей обратно, всё равно ведь не съедим... — Когда он договорил, то сердце его вздрогнуло. Он подошёл к Сюй Вэнь, наклонился и, подняв ее голову, увидел, что её глаза слегка покраснели.

Сюй Вэнь отвернулась и со смехом произнесла:

— С этим отъездом снова придётся ждать пять лет. В жизни человека... не так уж много этих пяти лет.

Юньци внезапно тоже растрогался от этих слов. Обняв Сюй Вэнь, он проговорил:

— Когда я выйду в отставку, то сразу вернусь домой и буду с тобой.

Сюй Вэнь рукавом вытерла слёзы и с натянутой улыбкой ответила:

— Ещё лучше, если ты вернёшься с женой. Если у тебя появятся дети, старшая сестра вырастит их за тебя.

Юньци сильно смутился:

— Лучше не надо.

Сказав это, он не знал, смеяться ему или плакать, и перевел взгляд на Тоба Фэна.

«???» — Тоба Фэн стоял у повозки, словно столб. Его голова была полна вопросительных знаков.

Тоба Фэн хотел его утешить, но не знал, что сказать. Подумав немного, он произнёс:

— Не грусти, возможно, к концу года мы увидимся снова... — Не успел он договорить, как получил по голове звонкую оплеуху.

Чжу Ди обхватил Тоба Фэна за шею, оттащил в сторону и, скрипя зубами, прошипел:

— Разве можно такое говорить! Боишься, что никто не узнает?!

Сюй Вэнь и Юньци по-прежнему держались за руки, не в силах расстаться. Внезапно Сюй Вэнь о чём-то вспомнила и сказала:

— Старшая сестра отправит с тобой слугу... Саньбао!

Юньци мгновенно простонал:

— Только не это! Можно без него?!

Саньбао с улыбкой откликнулся, стоя у стены с холщовой сумкой через плечо и деревянной шкатулкой в руках:

— Ванфэй приказала мне сопровождать младшего шурина по дороге в столицу.

Сюй Вэнь приняла серьёзный вид и произнесла:

— Саньбао проницательный. Он знает, что можно говорить, а что нельзя, и с делами справляется быстро. Твой зять сказал, что в покоях командира Цзиньивэй просторно, пусть он живёт в наружной комнате и ест всегда три раза в день вместе со стражниками.

— К тому же Саньбао ест немного... за раз всего две миски риса. И свинину он не ест, не то, что этот... — Сюй Вэнь ткнула пальцем в Тоба Фэна. Он покачнулся, и Сюй Вэнь с крайним негодованием добавила: — На один только завтрак он съедает двенадцать паровых булочек с мясом!

«...»

— Старшая сестра, погоди минутку, мне нужно тебе кое-что рассказать...

— Не говори. Что ты там говорить собрался...

— Выслушай, что я скажу...

— Э-э-э... Госпожа...

— Не говори, не говори. Вы все, не говорите, сначала выслушайте меня... Саньбао умеет писать, бегать по поручениям, готовить, стирать, ухаживать за лошадьми, готовить на пару сладости и рассказывать шутки. Ещё он неплохо обучен боевым искусствам и вполне сносно орудует кинжалом, а ещё он умеет вырезать новогодние узоры на окна...

— Стой... стой!

— К тому же он хуэй, понимает тюркский, монгольский, хуэйский...

Сюй Вэнь тараторила без остановки, не оставляя Юньци ни малейшей возможности вставить слово, и снова обратилась к Саньбао:

— Приглядывай за младшим шурином. Следи, чтобы он вовремя ел и не допускай, чтобы он слишком уставал, понял?

Юньци с отчаянием произнёс:

— Ты могла бы хотя бы спросить моё мнение, старшая сестра!

Сюй Вэнь сказала:

— Кланяйся в ноги!

Саньбао ловко опустился на колени, поклонился Чжу Ди и Сюй Вэнь до земли и громко провозгласил:

— Благодарю Ванфэй и князя за любовь и заботу в детстве. Теперь Саньбао отправляется плыть через кипяток и ступать по огню ради младшего шурина, не останавливаясь ни перед чем.

«Действительно пронизательный, — подумал Юньци, — даже поставил «Ванфэй» перед «князем», пока благодарил».

Сюй Вэнь махнула рукавом:

— Скорее, в путь. Вспоминай свою старшую сестру.

С этими словами она прикрыла нос рукой. На удивление, она не стала провожать их и, развернувшись, вошла в резиденцию.

У Юньци не осталось иного выхода, и он с неохотой взял Саньбао с собой.

Чжу Ди сказал:

— Младший шурин, береги себя. Зять не будет тебя провожать.

С этими словами он подошёл и обнял Юньци.

Юньци подступил и обнял Чжу Ди в ответ, обхватив его шею, в то время как тот довольно бесцеремонно обвил руки вокруг талии Юньци. Объятия зятя и шурина выглядели душевно и гармонично, прямо-таки по-семейному.

Юньци стало немного неловко. Он повернулся, оттолкнул Чжу Ди и сказал:

— Иди, составь компанию моей сестре.

Чжу Ди ответил:

— М-м, сейчас пойду.

Чжу Ди сказал «м-м», но руки, обнимавшие Юньци за талию, всё не ослабляли хватку.

Юньци сквозь зубы процедил:

— Отпусти...

Чжу Ди сжимал талию Юньци, ни за что его не отпуская, и лицо Тоба Фэна мгновенно позеленело. Без лишних слов он подошёл, занёс кулак и начал лупить Чжу Ди.

— ...Фэн-эр!

— Эй! Что вы двое делаете... Ши-гэ! Прекрати!

— Ай-яй— Ай-яй—

Внезапно произошло нечто неожиданное! Тоба Фэн схватил Чжу Ди за воротник и замахнулся для удара. Тот, не ожидая такого, получил кулаком по лицу, голова закружилась, и он попытался оттолкнуть Тоба Фэна. Двое, извиваясь, сцепились и завязали драку.

Юньци и Саньбао остолбенели, разинув рты. Когда они успели затеять драку?!

— Ах ты гребанный волчонок-предатель! Этот князь просто ненадолго обнял своего младшего шурина, что тут такого... Ай-яй! Ай-яй!

— Обезьяна!

«...»

Юньци, не зная, что делать, громко закричал:

— Хватит драться! Старшая сестра! Быстрее, иди сюда! Смотрите, сюда идет моя старшая сестра! Старшая сестра идёт!

Чжу Ди и Тоба Фэн бились не на шутку. Юньци заорал:

— Саньбао! Ты держи князя, а я — ши-гэ!

С этими словами он собрал волю в кулак и бросился в бой.

В тот момент слышались только глухие удары и грохот. Пыль поднялась столбом, и все смешалось в кучу. Двое ворвались к дерущимся не на жизнь, а на смерть Чжу Ди и Тоба Фэну и, стиснув зубы, разняли их!

Саньбао, видимо, был рождён под несчастливой звездой. Только что поступив в услужение к Юньци, он тут же получил взбучку. Восемь десятых ударов кулаками и ногами Тоба Фэна и Чжу Ди, минуя Юньци, обрушивались на Саньбао. Он кричал и, заломив руку Чжу Ди за спину, непрерывно отступал. Юньци едва сдерживал Тоба Фэна, с опаской глядя на этих названных отца и сына.

Чжу Ди всё ещё лягался, высоко заноса ноги, и с гневом ругался:

— Я тебя до смерти запиною!

— Ладно, ладно! — рассердился Юньци. — Хватит драться!

Юньци удерживал Тоба Фэна, а Саньбао, стоя на месте с синим носом и опухшим лицом, отпустил Чжу Ди.

Тот злобно поправил полы одежд, приблизился и сказал:

— Ты сейчас возвращаешься в Нанкин...

— Угу, — Юньци и злость брала, и одновременно ему было смешно. Тоба Фэн тоже перестал драться и сказал:

— Он мой, его нельзя обнимать.

Кто бы мог подумать, что слова Чжу Ди были ложью, а настоящей целью — месть. Взмахнув рукавом, он снова врезал по Тоба Фэну.

— Эй, зять! Негодяй! — взбесился Юньци. — Ши-гэ, вернись ко мне!

Тоба Фэн не стерпел, бросился вперёд и погнался за Чжу Ди.

Юньци не знал, смеяться ему или плакать, и сказал:

— Поехали, поехали! Не обращай на них внимания, Саньбао, садись в повозку.

Ма Саньбао ещё немного поглядел и, тревожно последовав за Юньци, поднялся в карету.

Чжу Ди быстро убегал, а Тоба Фэн мчался за ним широкими шагами. Когда он догнал его, то дал Чжу Ди пинка, отчего тот улетел в сторону. Величавый князь рухнул во дворе и перестал шевелиться.

«?» — Тоба Фэн некоторое время смотрел на него и перевернул Чжу Ди. Тот лежал на спине, раскинув руки и ноги. Тоба Фэн воскликнул:

— Юньци! Подожди меня!

С этими словами он наклонился, чтобы прислушаться. После того, как он убедился, что Чжу Ди не мёртв, он поднялся и направился к повозке.

Чжу Ди на мгновение притворился мёртвым, затем вскочил и, подпрыгивая, закричал:

— Ну погоди у меня! Бессердечный перебежчик!

Тоба Фэн снова развернулся, собираясь броситься за ним в погоню, и Чжу Ди поспешно убежал.

Юньци смеялся до изнеможения и приказал:

— Быстрее, трогай... если не поедem сейчас, жизнь младшего шурина здесь и оборвется.

— Юньци! — крикнул Тоба Фэн, мчась к повозке.

Он растерянно глядел на удаляющуюся карету и рванулся догонять ее. Пробежав несколько шагов, он в конце концов остановился.

Юньци откинул занавеску повозки и оглянулся назад:

— Ши-гэ!

Тоба Фэн помахал рукой и крикнул:

— Юньци, дождись меня!

Затем он достал из-за пазухи бамбуковую флейту и заиграл протяжную мелодию.

Ласково грело весеннее солнце. Звуки флейты рассекли ясное небо, разливаясь эхом над Пекином.

Юньци свернулся калачиком на мягком сиденье повозки, одной рукой обнимая Саньбао, и смотрел в окно на лазурное небо.

— Он тоже выучил новую мелодию, — улыбнулся Юньци.

Саньбао с улыбкой ответил:

— Саньбао знает не много ханьских мелодий, прошу младшего шурина его научить.

Юньци сказал:

— Когда я стоял у Терема Танцующего Тумана, то слышал, как А-гу пела эту песню.

Саньбао подшутил:

— Младший шурин часто туда ходит? Поэтому так знакомо?

Юньци принял серьезный вид и ответил:

— Как можно развлекаться, причиняя страдания несчастным женщинам? Я изредка хожу туда, чтобы их проведать. Сажу там, слушаю мелодии, даю немного денег — и всё. Я научу тебя, эта мелодия называется «Стихает западный ветер».

Проведать? Саньбао остро уловил это слово.

Тоба Фэн молча провожал взглядом удаляющуюся повозку. Оживленная великая столица бурлила от шума и суеты, пока та конная повозка увозила самое ценное во всей его жизни, покидая Пекин и направляясь в сторону Нанкина.

Юньци закинул ногу на подоконник и, покачивая ею, напевал про себя:

— На башне высокой в сто чи у перил я смотрю на далекий простор,

И тучи густые с дождем небольшим, идут то и дело, плывут, застилая мне взор...

Когда ты вернешься, не знаю, и вести еще до сих пор не пришли,

Закатного солнца косые лучи лишь на водах безбрежных вдали.

* Стихотворение Янь Шу (991 - 1055) на мотив «Бабочка, влюбленная в цветок». Перевод Алёны Алексеевой.

Конец арки 2 — «Кольцо из панциря черепахи»

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326083>